

КУДА И ПОЧЕМУ РАСТЁТ ЭКОНОМИКА

Стрела времени

В чём цель развития и существует ли она? Мы не знаем цели человека и человечества. Ни одна религия или догма, включая атеизм, не даёт понятного и убедительного ответа – **зачем Бог [или сумасшедший лохотрон генетических мутаций атеистов]** создал человека? Однако человек существует, и у него есть хозяйство – человеческая экономика. В истории же мировой экономики явственно просматривается отчётливо выраженная **стрела времени**. Развитие направленно. Оно идёт в сторону роста общественной производительности труда. История мировой экономики предстаёт перед наблюдателем как процесс, разворачивающийся в духе Тейяра де Шардена¹³, то есть имеющий свои смысл и цель.

Что же движет мировой экономикой?

Мы считаем, что в основе роста мировой экономики – **два взаимосвязанных, реальных, физически наблюдаемых и измеримых процесса – рост народонаселения и заселение территории планеты**. Источник экономического развития – не страсть к изобретательству Шумпетера¹⁴, не классовая борьба Маркса, не этика Вебера, а «всего лишь» демография и география. Нас становится больше, а земли не прибавляется. Об этом писал Мальтус¹⁵ и предупреждал Римский клуб¹⁶. Но ни Мальтус, ни участники Римского клуба политэкономических выводов, выходящих за пределы ресурсного алармизма, не сделали. Постараемся восполнить этот пробел.

Ниже мы рассмотрим экономику перехода от родоплеменного строя к рабовладению и феодализму. А пока что пропустим этот увлекательный и важный период и перепрыгнем *фаст-форвард*¹⁷ к временам, более близким современности. Заметим, что до XVIII века рост традиционных аграрных экономик был тождественен росту государственных образований. Аграр-

13 – Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965.

14 – Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007.

15 – Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. Петрозаводск: Петроком, 1993.

16 – Meadows D.L., Meadows D.H. The Limits to Growth. New American Library Universe Books, 1972.

17 – Fast forward (англ.) – ускоренная перемотка (в магнитофоне, CD-плейере и т.п.)

ные формации могли расти и развиваться до тех пор, пока существовала возможность географического расширения земельных владений. Конец феодализму положило физическое, а точнее, географическое исчерпание возможности расширения политического контроля метрополий над колониями. Абсолютные *пределы роста*¹⁸ однажды уже были достигнуты. Попросту говоря, нераспределённые участки земли закончились. Вся территория планеты оказалась поделена между колониальными империями и немногими случайно сохранившимися независимыми от них странами.

Уместно отметить, что любое стабильное общественное образование существенно меняется тогда и только тогда, когда наталкивается на пределы своего расширения и выживания. Иначе говоря, прогресс возможен только из-под палки. В этом смысл конкуренции. Наличие угрозы заставляет шевелиться¹⁹. Конечно, в любой популяции всегда есть гиперактивные «лемминги», склонные высовываться за пределы своего ареала. Но для того, чтобы миллионы индивидов пришли в движение, нужно сильное объективно существующее давление.

Достижение феодализмом пределов роста вызвало к жизни новый капиталистический строй, который изменил направление и темпы развития и, в свою очередь, подошёл к своим пределам роста, которые могут быть преодолены только новым качественным скачком. Мир вплотную подошёл к этому порогу.

Факторы производства и общественные формации

Мы считаем, что общественно-исторические формации, описанные К. Марксом, реально существовали и существуют, и их анализ с крахом СССР и его пропагандистской машины не потерял своей актуальности. Экономическая разница между античными обществами, феодальным европейским Средневековьем, капитализмом Нового времени и социализмом [или как его предпочитают называть на Западе – «смешанной» экономикой] последних десятилетий – очевидна. Разрыв в производи-

18 – «Пределы роста» [The Limits to Growth] – так назывался знаменитый доклад Римского клуба, с которого началась современная экологическая политика.

19 – Американский фермер не менее консервативен и косен, чем русский крестьянин. Чтобы выжить из бывших фермеров и крестьян хай-тек космической эпохи, их сначала надо было сильно напугать друг другом. – И.Л.

тельности этих обществ – не на проценты, а в разы. Все они прошли [*или проходят*] путь от возникновения к глобальному могуществу и упадку. По нашему мнению, **характер общественно-исторических формаций определяется тем, какой именно фактор производства даёт максимальную отдачу от своего применения.**

При этом важно понимать, что значение других факторов производства со сменой формации не устраняется, а сохраняется. Маркс же и марксисты считали, что каждая последующая формация убивает предшествующую. Что для победы социализма необходимо сакральное убийство капитализма. Однако эта Марксова посылка оказалось неверной. Старые формации никуда не исчезают – экономическое развитие идет не путем уничтожения, а путем поглощения, интеграции старой формации в новую.

Так, феодальное общество приходит на смену рабовладельческому, но основные «элементы новизны», привнесённые рабовладением, а именно отношения *работник – работодатель*, сохраняются. Меняются права «раба»: теперь он получает право на земельный надел и собственность. Со временем «рабы» приобрели право быть проданными не на 24 часа 7 дней в неделю, а только на 8 часов 5 дней в неделю. Работодатели при этом потеряли право первой ночи и право казнить и миловать. То есть рабство по-прежнему с нами, но мы записываемся в «рабы» добровольно и можем сами обсуждать условия нашего содержания с «рабовладельцем»-работодателем. Государство же приняло на себя обязанность дисциплинировать как тех, так и других. Согласно выстраданному в столетиях Трудовому кодексу у нас теперь есть право объявить нашему «крепостнику» о приближении «Юрьева дня», когда мы хотели бы с ним распрощаться, за две недели до его наступления. Но труд, введённый рабовладением в экономику в качестве доминирующего фактора производства, никуда не делся. По-прежнему труд находится в основе всех развитых и менее развитых экономик, хотя его роль теперь разбавлена влиянием других факторов.

Феодальные по своему происхождению отношения ренты также до сих пор составляют важную часть экономики. Земля уже не главный фактор производства, как раньше, но и не маловажный. Более того, усиление спроса на рекреационные услуги, возросшие требования к качеству мест обитания, разнообразные экологические ограничения вновь усиливают роль земли в производственной функции.

Капитал, то есть накопленный интегрированный объем частных финансов, помноженный на доступ к технологии, никуда не исчезает ни при переходе к своей же социализированной стадии, ни при переходе к следующей технократической формации. Меняется его роль. Капиталист из «хозяина жизни» превращается в разновидность госслужащего, зависящего от решений, принимаемых бюрократией.

Капитализм в истории человечества сыграл яркую, но краткую роль. Такого засилья энергобаронов и частных банкиров, какое было в Соединенных Штатах до кризиса 1929 года, в развитых странах больше не будет [в России 1990-х эта история повторилась в режиме ускоренной перемотки и по упрощённому сценарию]. Государственная бюрократия после короткого периода относительной зависимости от крупного капитала давно уже заняла центральное место. Лёгкость национализации половины ипотечного рынка США в конце 2008 года убедительно продемонстрировала реальное соотношение сил в американской экономике. После 1998 года примерно то же имело место и в России: госбюрократия легко справилась со много возомнившим о себе олигархическим капитализмом²⁰.

Должно сказать, что капитал прекрасно себя чувствует в условиях социализма. Просто в этой *фазе своего развития* он работает не только на мелких частных клиентов, но и на демократическое государство, выражающее интересы более широких групп населения, и на крупные *социалистические* корпорации²¹, интегрированные с государством. Прибыльность предприятия при социализме определяется не рынком, а государством. Устанавливаются не только отраслевые условия деятельности, но и принимаются решения по отдельным компаниям. Посмотрите на «Энрон» или «Микрософт». По решению государства одна суперкорпорация становится банкротом, а другой позволяют стать мировым лидером.

Наступающий технокоммунизм – технократический коммунизм²² – оказывается не казармой и даже не кибуцем, а развитым свободным высокотехнологичным рынком, когда все артикулированные потребности удовлетворяются почти мгновенно и по любым ценам. Практически

20 – «18 июля 2001 года, проведя в должности больше года, Путин провёл пресс-конференцию. Один из журналистов спросил его о Березовском. Он вздохнул: "Березовский – это кто?"» (Хоффман Д. Олигархи. М.: Колибри, 2008. С. 552).

21 – В англосаксонских странах они называются public corporations, то есть публичные, общественные.

22 – Технокоммунизм или технократическое общество представляются нам более удачными названиями для наступающего общественного строя, чем распространённый западный бесцветный паллиатив «постиндустриальное общество», а почему не постпешерное, например?

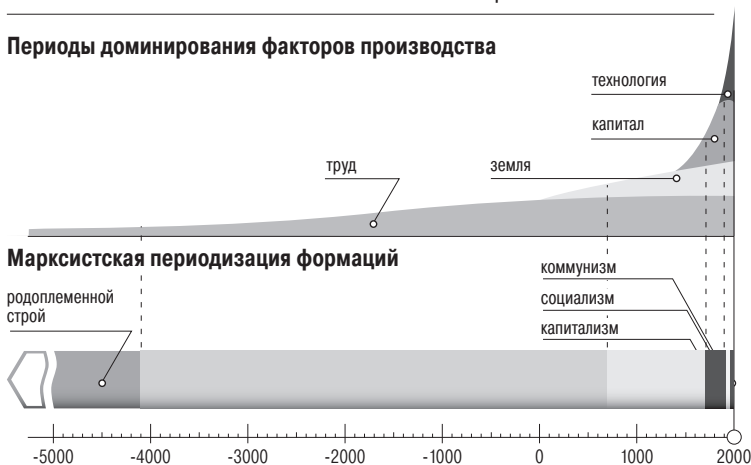
все могут иметь любые предметы – от до автомобилей и недвижимости. Различия проявляются не в самом факте доступности того или иного блага, а в моральной оценке тех или иных производителей, будь то *Swatch* или *Rolex*²³.

Свободный доступ к благам возникает не как внезапный дар случайного рынка, а в результате длительных усилий демократического государства, борьбы и конкуренции собственников всех факторов производства, включая собственников своего труда, в результате развития корпоративного, отраслевого и общенационального планирования. Билет в «Золотой век» стоит дорого и не разыгрывается в лотерее.

В менее развитых обществах может возникнуть иллюзия о возможности свободного рынка без демократии из-за того, что их общества получают доступ к плодам развитой цивилизации, не пройдя собственный путь развития. Возникает технологическая рента, поддерживающая существование архаичных общественных укладов. Дезориентирующий импорт плодов развитой цивилизации способен не ускорить, а «заморозить» социальное развитие менее развитых обществ, демотивировав его.

Итак, формации развиваются не последовательно, сменяя и вытесняя друг друга, а как бы наслаиваясь одна на другую (рис. 1).

РИС. 1. ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВЫХ ФОРМАЦИЙ

23 – Марки дешёвых и дорогих швейцарских часов.

В доклассовом родоплеменном обществе ни один из факторов производства не доминировал. В результате развития, проходящего через эпохи доминирования отдельных факторов производства, человечество за шесть тысяч лет вновь приходит к ситуации, характерной для отдалённого прошлого, но уже на новом уровне развития производительных сил. Вместо *локальной экосистемы*, регулирующей существование отдельной родоплеменной общины, – к *планетарной экосистеме*, регулирующей существование всей человеческой цивилизации, объединённой в единый процесс общественного воспроизводства. В этом смысле не история человечества заканчивается, как померещилось Фрэнсису Фукуяме, а подходит к концу история длительного переходного периода – из одного гомеостатичного состояния когда-то атомарно фрагментированная мировая экономика эволюционирует в другое, цельное, глобально интегрированное.

Маркс полагал, что переходы от одной формации к другой происходят скачкообразно, в результате революции. По нашему мнению, процесс перехода идёт сравнительно незаметно для общества и занимает достаточно протяжённое время, а то, что Маркс считал революциями, мы считаем политическими маркерами, зримо отбивающими в истории периоды уже оформившегося доминирования той или иной системы. Социально-экономические революции не совпадают во времени с революциями политическими и обычно происходят довольно незаметно и даже независимо от последних.

После совершившегося формационного перехода – социально-экономической революции – предыдущая формация не исчезает, а занимает свое место в глубинах новой общественной системы. В условиях кризиса, революции вновь появляются рудименты древних способов производства – родовые сети выживания, бандитские группировки, мало отличающиеся от средневековых, капиталистические схемы, более характерные для XVIII века, чем для XX и XXI. Мы это совсем недавно видели, как в ускоренной киносъемке, в России и других бывших республиках СССР. С другой стороны, более консервативные общества, не склонные к тотальному разрушению, в долгосрочной перспективе развиваются быстрее. Классические примеры – островные Великобритания, Япония. Причины этому понятны – системы и результаты жизнедеятельности предыдущей формации играют в экономической экосистеме важную роль. Уничтожение их создает вакуум и замедляет рост в долгосрочной перспективе. Окончательное искоренение мелкого

бизнеса в СССР при Н. Хрущёве было похоже на борьбу с воробьями при Мао. Пользы мало – вреда много.

Таким образом, мы, в отличие от Маркса, считаем, что формации сами по себе лишены политического антагонизма и в «нормальных» [*без революций*] условиях не вытесняют друг друга, как поршень, а как бы наслаиваются одна на другую. Развитие происходит не одномерно и последовательно, а нарастающими слоями. Эта, казалось бы, простая для понимания модель выводит из идеологического тупика, в котором оказалась современная постбиполярная политэкономия. Поскольку каждая из формаций вместе с созданными ею классами и социальными отношениями есть необходимая и органичная часть общего единого процесса, то теряет смысл весь классический политэкономический дискурс от Адама Смита до Милтона Фридмана включительно. Исчезает поляризованная антагонистичность. Политическая революция разводится с революцией социально-экономической²⁴.

Новая политэкономия

Зачем нужна новая политэкономия? Не всё ли уже найдено и объяснено?

И советская, и западная политэкономия потерпели унижительные поражения в течение всего каких-то двух десятков лет. Крах СССР опрокинул и весь идеологический аппарат советской «марксистско-ленинской» политэкономии со всеми её аппаратчиками, быстро перекрасившимися в демократов-рыночников. Но и западная политэкономия продержалась ненамного дольше. Последние пятьдесят лет западная пропаганда превозносила предприимчивость и инновационность западной рыночной системы, её особые таланты в управлении финансовыми потоками, которые должны были гарантировать бескризисное развитие. Однако крах 2008 года вернул ситуацию к нулевой отметке. Доказательство опровергнуто, и состоятельность западного подхода к

24 – Подход классиков марксизма отличался от массовых идей их последователей. Ф. Энгельс так характеризует политические революции: «Все т.н. политические революции, от первой до последней, ...осуществлялись путём конфискации, называемой также кражей...» Довольно непривлекательный образ...

анализу экономического развития придётся доказывать вновь. Важное отличие – в первый послекризисный период²⁵ «капиталистический» мир демонстрировал свои успехи на фоне СССР, от которого практически не зависел экономически, теперь придётся заняться демонстрацией успехов уже на фоне коммунистического Китая, зависимость Запада от которого постоянно росла параллельно пресловутой глобализации.

Идеологизированная политэкономия искажала картину мира в пропагандистских целях. Её целью было не столько понять и объяснить, сколько убедить в неизбежности той или иной экономической системы. Об этом писал ещё Маркс в предисловии к «Капиталу», поэтично сравнивая современных ему капиталистических политэкономов с «фуриями частного интереса»²⁶. Не удивительно поэтому, что не только бывшая советская политэкономия, но и современная западная оказались малополезны для понимания глобальных экономических процессов XX – начала XXI века²⁷.

Советская политэкономия, например, так и не смогла объяснить существования высокой производительности труда и высокого уровня инноваций в западной «загнивающей» «капиталистической» экономике. Она ушла от объяснения очевидной конвергенции экономических систем, происходившей в течение периода после 1929 года. Не было дано адекватного объяснения нараставшей ожесточенности и тупиковости «холодной войны», закончившейся, как мы теперь знаем, демонтажем Восточного блока и СССР. Никак не объяснялось сосуществование различных экономических укладов в мировом хозяйстве. Как могут одновременно существовать полуфеодалная Саудовская Аравия, нищая Центральная Африка, сверхинновационная Япония в мире, где происходит диктуемая Карлом Марксом неуклонная последовательная смена экономических формаций и где у «низших формаций» в свете

25 – После 1929 года.

26 – Предисловие к первому изданию «Капитала».

27 – «Неоклассическая экономика совершает ошибку композиции – это идея, что индивидуумы, действуя рационально, коллективно произведут рациональный или оптимальный результат. Кризис показал, что это предположение является теоретической конструкцией, в лучшем случае не имеющей оснований в реальности, а в худшем – просто фатальной ошибкой. В то время как финансовые институты ведут себя в соответствии с базовой структурой стимулов, встроенных в финансовую систему, коллективный результат действий участников рынка, каждый из которых действует рационально, является совершенно иррациональным. Индивидуально рациональное поведение ведёт к перезакладу в финансовых учреждениях, распространению системного риска и приводит всю финансовую систему в целом на грань катастрофы» (Michael Lim Mah-Hui, Lim Chin. Nowhere to Hide: The Great Financial Crisis and Challenges for Asia, ISEAS, 2010).

коммунистического варианта социал-дарвинизма нет никаких шансов на выживание?

Но и западная политэкономическая модель также не обошлась без фатальных теоретических провалов. Она уходит от объяснения причин низкой производительности капитала и высокой социальной напряженности в период до 1929 года. Факт существования СССР – слабо-развитой страны с высокотехнологичным оружием – трактуется ею как аберрация, исключение, подтверждающее некое незыблемое правило. Почему возникла эта «аберрация» и почему она сравнительно успешно развивалась более полувека – осталось невыясненным. Не объясняется и неспособность большинства рыночных демократий к успешному экономическому развитию. Ведь на основе одних лишь данных о фактическом богатстве стран мира невозможно сделать вывод о решающей роли рынка и демократии в его обретении. Нельзя же всерьез считать, что Катар и Лихтенштейн, занимающие верхние строчки в списке богатейших стран мира, так преуспели благодаря особым успехам в развитии демократии и свободного рынка. А разве Демократическая Республика Конго и Зимбабве, занимающие первые места с конца списка, чем-то тоталитарнее и менее «рыночны», чем намного их опережающие Ливия и Беларусь? Очевидно, что экономическая реальность и догмы либеральной рыночной теории имеют не так много точек пересечения, как хотелось бы самопровозглашённым победителям в «холодной войне». Сверхбыстрый рост коммунистического рыночного Китая камня на камне не оставляет ни от восточной, ни от западной политэкономии. Но если старые теории не работают, значит, нужно создавать новую, которая заработает.

Интересно отметить, что обе политэкономические доктрины изначально базировались на ложных предпосылках. Пролетариат, который, по мнению Маркса, должен был «приобрести весь мир», оказался крайне нестабильным классом. Пролетарии хотят быть кем угодно, но только не пролетариями. Они эпизодически объединяются для совместной торговли на рынке труда и делают всё возможное, чтобы их следующее поколение рассталось с социальной ролью их родителей. В западной же экономике любой агент, добившийся успеха на пресловутом свободном рынке, сразу же начинает его разрушать, стремясь хоть к маленькой и локальной, но монополии для закрепления и развития своего первоначального успеха. Поддержка свободной конкуренции оказывается невозможной без нерыночного

политического вмешательства институциональных сил. Рынок нестабилен, будучи предоставлен самому себе. Таким образом, ни пролетариат, ни свободный рынок не способны к формированию устойчивых общественных систем.

Компоненты экономики и общая теория развития

Чтобы вернуть смысл в трактовку событий экономической истории, нужно обратиться к началам.

Мы считаем, что ничто не возникает из ничего. Возможность и необходимость эволюции экономики и экономических систем уже были заложены в самом первичном акте человеческого производства, в котором и на самых ранних стадиях развития присутствуют основные компоненты всех более поздних систем.

Экономика – это технологический процесс соединения природных ресурсов, человеческого труда и ранее произведённой человеком продукции с целью получения продукта, который может быть потреблён тем и или иным способом. Любой конкретный продукт является частью одного общего процесса, который был начат на заре ветхозаветной истории и может закончиться только с исчезновением человечества.

Каковы основные компоненты экономики?

Окружающая среда, человек и его труд, ранее произведённая человеком продукция, включая средства производства, и **ТЕХНОЛОГИЯ** – то есть нематериальная субстанция, определяющая эффективность производства и потребительскую полезность продукции. В понятие технологии мы включаем весь экономический «софтвар» – от описания конкретных технологических процессов и «ноу-хау» до организационных процедур и законов.

Нетрудно видеть, что смысл экономики – это трансформация природных ресурсов, включая время, в предметы потребления человека – материальные и нематериальные товары и услуги. Попав в природную среду, человек творит, превращая «сырую» природу в пригодную для его употребления *цивилизацию*. Естественный мир превращается человеком в мир искусственный.

Соотношение масштабов человеческой экономики и окружающей среды определяет характер экономических систем и специфику экономического роста.

Когда экономика мала в сравнении со средой, то человек полностью от неё зависит, и численность человеческой популяции определяется состоянием окружающей среды. На протяжении истории человечества фатальные экологические кризисы случались неоднократно, уничтожая сообщества от деревень до локальных очагов цивилизации²⁸. Дописьменная история человечества простирается на сотни тысяч и, возможно, миллионы лет в глубь геологического времени. Мы не знаем, например, когда возникла русская деревня, которая может существовать совершенно автономно неограниченно долго²⁹. Когда возникли кочевые сообщества Центральной Азии? Амазонские племенные сообщества? Изолированные человеческие сообщества могли производить продукцию, достаточную для условного выживания в конкретной экологической обстановке, но у них не оставалось свободных ресурсов для накопления и гарантированного выживания. Русские деревни существовали до тех пор, пока не истощали почвы вокруг себя, после чего мигрировали на сравнительно небольшое расстояние, и процесс начинался снова. Можно установить исторический возраст стационарных объектов – будь это руины городов или наскальная роспись. Но исторически идентифицировать рассеянные по огромной территории остатки жизнедеятельности кочевых и часто мигрирующих племён практически невозможно. Об истинном возрасте родоплеменного общества можно только догадываться по отдельным найденным стационарным объектам.

Исторический период начался тогда, когда человеческие сообщества натолкнулись на самые плодородные территории на планете – долину Нила, Месопотамию, долины Инда и Ганга, долины Янцзы и Хуанхэ. Биопродуктивность этих территорий оказалась достаточно высокой, чтобы обеспечить выживание более крупных сообществ, чем родоплеменные группы, и обеспечить производство избыточного продукта, который уже можно было использовать не только на непосредственное выживание, но и на нематериальные цели³⁰. В этот период **общество**

28 – См. : Сливко В.М. Энергетические аспекты развития древних цивилизаций. М.: Газойл пресс, 1999.

29 – В России неоднократно находили автономно существовавшие сообщества, все контакты с которыми были прерваны десятилетия назад.

30 – Ф. Энгельс отмечает рост плотности населения в этот период, но не обращает на это большого внимания, игнорируя также значение исключительно благоприятной окружающей среды центров роста.

приобретает общественную память, создаёт структуры накопления и передачи информации и технологии.

В доисторический период все компоненты экономики находятся в относительном равновесии, и ни один из них не доминирует. Природная среда в этот период неограниченна относительно масштабов производства, и потому ни объём ресурсов, ни количество накопленных продуктов, ни наличный труд не являются факторами, лимитирующими развитие. Технология адекватна уровню развития. **Численность популяции регулируется средой.** Сообщество находится в гомеостатическом равновесии и может существовать в практически неизменном виде до тех пор, пока не произойдёт катастрофического ухудшения природных условий: истощения почв самим сообществом, изменения климата, эпидемии и т.п.

Почему все известные нам исторические общества возникли примерно в один и тот же период около шесть тысяч лет тому назад? Были сотворён мир в это время в том виде, каким его увидели наши далёкие предки, или же произошло какое-либо иное событие – прилёт инопланетян не самое экзотическое из предлагаемых объяснений, – которое заставило ранее самодостаточные гомеостатические сообщества усложнять организацию, создавать социальные структуры и развиваться?

Мы считаем, что примерно шесть тысяч лет тому назад произошёл качественный скачок, вызванный накоплением количественных изменений. Произошёл переход количества в качество: сообщества, оказавшиеся на самых продуктивных территориях планеты, почти одновременно достигли «критической численности». Демография определила экономику. По имеющимся оценкам, численность населения Земли на рубеже пяти тыс. лет до нашей эры составила около 20 миллионов человек, подавляющая часть которых проживала за пределами будущих центров роста. Но благодаря началу концентрации населения в центрах роста возникла возможность получать больший продукт, чем даёт человеку сама окружающая среда.

В чём состояло принципиальное различие сообществ, проживающих в центрах роста и вне них? В том, что в центрах роста окружающая среда не регулировала численность населения сообществ так жёстко, как вовне. Благодаря своей более высокой продуктивности она могла поддерживать гораздо более крупные, чем обычно, сообщества. Применяя больше труда, можно было получать больше продукции. Соответственно, возник обще-

ственный спрос на труд, и труд приобрёл большую ценность по сравнению с другими компонентами экономики. Начали возникать экономики, основанные на администрировании труда. В Европе и на Ближнем Востоке сформировались рабовладельческие общества. В Азии также произошло расслоение общества на работников и работодателей, хотя рабовладение и не распространилось в тех же масштабах, что и в античном мире. Скорее, получили распространение системы патрон – клиент, где положение клиента мало отличалось от общественного положения античного раба.

Вслед за Марксом мы считаем, что в основе экономических систем – способ производства. Но, в отличие от Маркса, мы трактуем производство не в абстрактно-классовом, а в прямом и конкретном смысле. Для описания способа производства используем производственную функцию.

Производственную функцию можно записывать по-разному. Изобретатели производственной функции Кобб и Дуглас жили в мире противостояния труда и капитала³¹, в их утилитарно трактуемой производственной функции – только труд и капитал. Солоу интерпретировал коэффициент A как «технологический прогресс», равно или «нейтрально» влияющий на остальные факторы производства. Добавим в формулу производственной функции «землю» – производительные возможности территории, на которой ведётся производство, и «технологию» – фактор, учитывающий нематериальные составляющие процесса общественного производства.

Получим $P = A (L^l S^s C^c T^t)$, где

- P – уровень производства общества;
- A – масштабный коэффициент;
- L – трудовые ресурсы;
- l – коэффициент эластичности по труду;
- S – земля как совокупность производительных возможностей территории;
- s – коэффициент эластичности по земле;
- C – капитал как совокупность технических средств производства;
- c – коэффициент эластичности по капиталу;
- T – технология производства;
- t – коэффициент эластичности по технологии.

31 – Производственная функция Кобба–Дугласа была выведена перед Великой депрессией.

Каждый из множителей – L , S , C и T – определяет вклад соответствующего фактора производства в общий объём выпуска продукции.

В производственной функции отсутствуют деньги. Это формула материального, вещественного соотношения затрат и выпуска, которую, в частности, используют при построении межотраслевого баланса. Дефицит денег может обусловить дефицит того или иного фактора производства, но деньги не вводятся в производственную функцию непосредственно. Важнейшую роль денег мы рассмотрим ниже, при описании финансовой системы и её роли в развитии производства.

Разные факторы производства вносят неравный вклад в общий результат. В каждый момент времени какой-либо из факторов производства доминирует в обществе, тем самым определяя характер его экономики. Исторические экономические формации можно связать с факторами производства. «Трудовая» экономика рабовладения соотносится нами с доминированием фактора L , «земельная» феодальная – с фактором S , экономика капитализма – с фактором C и посткапиталистическая технократическая – с фактором T .

Исторически мировая экономика развивалась в последовательности $L \rightarrow S \rightarrow C \rightarrow T$.

Почему в определенные исторические периоды доминирует тот или иной фактор производства? Потому что прирост именно этого фактора даёт максимальный прирост объёма выпуска.

Использование фактора с максимальной эффективностью даёт максимальный прирост общественного продукта, что даёт возможность развивать неэкономические потребности общества – от здравоохранения до высокого искусства, ведь общество живёт всё-таки не ради производства.

Смена главного фактора производства всегда протекает болезненно. Переходный период сопровождается социальными катаклизмами. Точнее, исчерпание возможностей предыдущего фактора производства вызывает распад общественных систем и стимулирует поиски выхода – через ускоренное освоение нового фактора производства.

Наше неуживчивое семейство неуклонно растёт. Население Земли за последние семь тысяч лет выросло в 300 раз³². Рассмотрим два пери-

32 – Рассчитано по: Сливко В.М. Энергетические аспекты развития древних цивилизаций. М.: Газойл пресс, 1999; Бааде Ф. Наше будущее: рай на Земле или самоуничтожение человечества. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

ода – с 5000 г. до н.э. до 1700 г н.э.– докапиталистический период и отдельно последние триста лет.

В течение первых 6700 лет человечество распространилось от отдельных изолированных очагов на всю территорию планеты. Численность населения выросла за 6700 лет в 30 раз. Соответственно, объём продукции, необходимый для поддержания существования человечества, также вырос не менее чем в тридцать раз. Однако с точки зрения среднего уровня жизни больших изменений не произошло. Средняя продолжительность жизни на протяжении тысячелетий составляла около 30 лет. Уровень жизни крестьян, составлявших подавляющую часть населения Земли, к началу промышленной революции капитализма мало отличался от времен Античности. Поэтому численность населения можно считать достаточно достоверным показателем объёма производимого общественного продукта.

Применяемая общественная технология и капиталовооруженность производства также не претерпели за это время существенных изменений, поэтому прирост объёма общественного производства определялся ростом населения и площадью производительно используемой территории. До тех пор, пока цивилизация развивалась в «тёплых» нишах естественных центров роста, главным фактором производства был труд, когда же население «выплеснулось» в менее благоприятные регионы, основным фактором роста стала земля. Главным фактором роста было именно географическое расширение за счёт освоения большего процента территории своих стран и захваченных земель, что, в свою очередь, приводило к росту численности производительного населения.

Можно построить простую модель типа производственной функции, достаточно убедительно аппроксимирующую реальные оценки численности населения Земли как показатель уровня общественного производства (*см. рис. 2*).

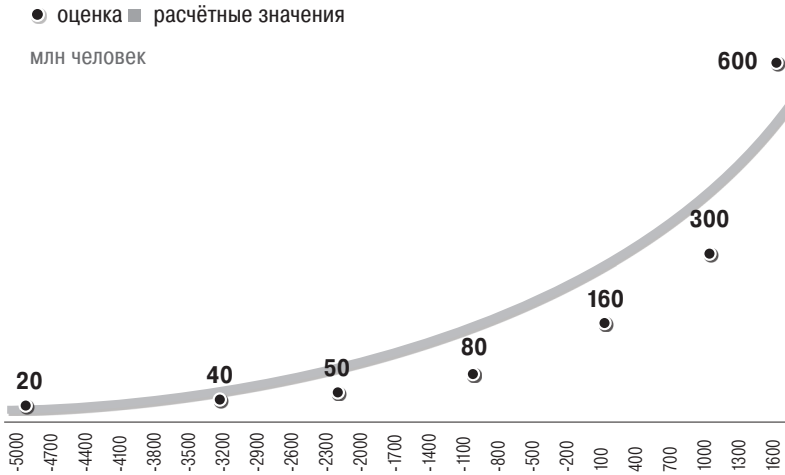
Прирост численности населения рассчитаем как

$$\Delta N_{t1} = A (N_{t0}^B), \text{ где}$$

A – масштабирующий пересчётный коэффициент.

B – эластичность.

РИС. 2. НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ С 5000 Г ДО Н.Э. ДО 1700 Г Н.Э.

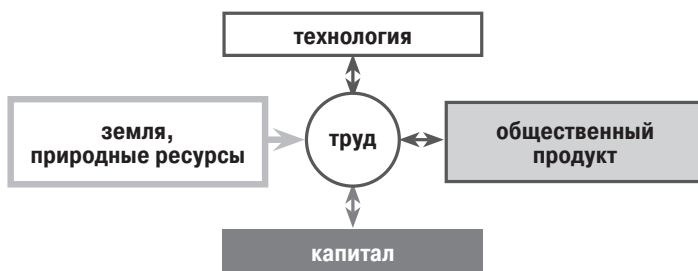
Таким образом, рост численности населения приводил к росту объёма производства, а рост объёма производства обеспечивал выживание всё более многочисленного населения.

До начала писаной истории человечества нас было слишком мало для освоения самых плодородных земель нашей планеты. Человек был «встроен» в природу, и его численность нигде не достигала критической массы, необходимой для возникновения цивилизации. Прибавочный продукт был слишком мал для финансирования неэкономических потребностей.

Источник труда – индивид – являлся одновременно носителем и технологии и капитала. Собственность на средства производства не была отделена от непосредственного производителя. Вклад в общественный продукт ограничивался совместными потребностями группы (см. рис. 3).

Первая социальная революция произошла, когда концентрация людей в самых плодородных зонах планеты достигла некоего порогового значения. Люди стали производить достаточно продукции для поддержания существования социальной организации. Труд оказался в дефиците. Ради обладания рабочими руками возникающие государственные образования начинали и вели войны. Возникают военные организации – те самые энгельсовские человеческие стада, которые он ошибочно связывал с групповым браком. «Стадо», состоящее [по Энгельсу] из неорганизованных мужчин, женщин, стариков и детей,

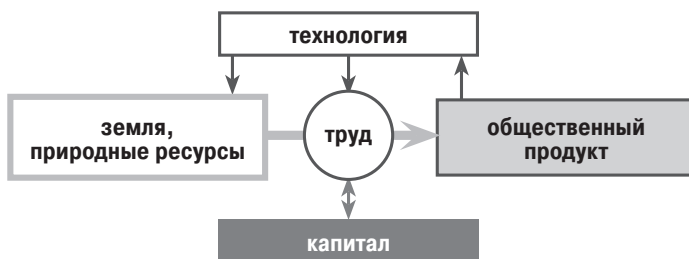
РИС. 3. ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА РОДОПЛЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

не было способно к эффективной защите ни от четвероногих, ни тем более от двуногих хищников и не давало никаких преимуществ перед менее многочисленными семейными группами. «Стада», на наш взгляд, конечно же, состояли исключительно или почти исключительно из мужчин и представляли собой прообраз военных организаций позднейшего времени.

К середине первого тысячелетия нашей эры возникло первое относительное перенаселение европейского континента, и возможности экономики, основанной на Труде как главном факторе производства, оказались подорваны. Рим достиг пределов роста. Произошла новая социальная революция. Новым двигателем мировой экономики стало освоение Земли. Размножаясь, крупные государства заняли все доступные им площади и начали внешнюю экспансию, которая продолжалась до тех пор, пока вся доступная территория планеты не оказалась распределённой между феодальными империями. Дальнейший рост путём вовлечения всё больших земель в хозяйственный оборот стал невозмо-

РИС. 4. ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА ТРУДА И ЗЕМЛИ

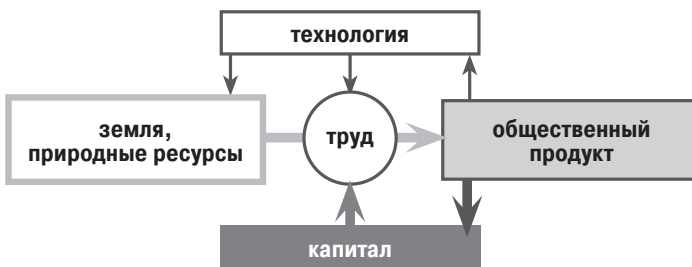

жен. Французская революция конца XVIII века стала эпилогом Эры Земли, эры аграрных обществ труда и земли. Европейская цивилизация упёрлась в новый предел роста.

В традиционных классовых обществах времён Античности и феодализма собственность уже отделяется от производителя. Общественная технология появляется в виде отношений собственности и системы перераспределения общественного продукта. Однако ранее произведённые средства труда не играют решающей роли в обеспечении роста общественной производительности (рис. 4). Потоки ресурсов в традиционной экономике линейны. Рабовладельческая и феодальная экономика не знают кризисов перепроизводства. В них отсутствуют динамические петли обратной связи. Продукт изымается из производства и не возвращается в него за исключением минимальных рабочих приспособлений.

В начале XIX века начался период перераспределения имперского наследия, который окончился всего около двадцати лет назад с распадом Российской империи в её советской реинкарнации и сохранившихся до этого времени остатков Австро-Венгрии. Борьба империй стимулировала освоение нового фактора производства – Капитала, который глобально доминировал вплоть до середины 1970-х годов. Политическим актом заклания золотого тельца капитализма стал выход США из Бреттон-Вудских соглашений и отмена золотого стандарта доллара.

РИС. 5. ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

При капитализме из общественного продукта систематически извлекается существенная доля, которая реинвестируется в процесс производства. В экономической системе возникает петля положительной обратной связи, что приводит к достижению небывалых ранее темпов

роста. Карл Маркс считал источником капиталистической прибыли только эксплуатацию капиталистом рабочих, то есть часть рабочего времени, не оплаченного работодателем. Этот подход политически антагонизирует ситуацию, но уводит от истины... Марксизм пропагандистски апеллирует к чувству ущемлённой справедливости работника – он [*капиталист*] залез к вам в карман! Держи вора! При этом игнорируется тот факт, что заработная плата занятых на капиталистических предприятиях является весьма привлекательной для бывших рабов аграрной экономики. Капитализм в состоянии платить работнику больше, чем предшествующие формации. В отличие от Маркса обратим внимание на то, что капиталист отличается от предыдущих собственников тем, что он **эксплуатирует сам себя!** Собственники капиталистических предприятий систематически недопотребляют значительную часть полученной ими прибыли ради вложений в основной и оборотный капитал³³. Возвращая часть произведённого общественного продукта в экономику, капиталистическое общество резко ускоряет экономический рост. Одновременно сам рост приобретает взрывной динамический характер за счёт появления контура обратной связи. В экономике возникают колебания – циклы, периодичность которых коррелирует со сроком обновления основного капитала³⁴.

Досоциалистический период неуправляемого капитализма отличается от управляемого капитализма периода социалистического участием государства в обеспечении *постоянного*, а не *циклического* изъятия ресурсов из общественного продукта для пополнения капитальной базы. Тем самым обеспечивается *нерыночное финансирование* общественного производства. Государство осуществляет капиталовложения в продукт, на который ещё нет *платёжеспособного спроса*. В результате экономический рост становится постоянным, а не скачкообразно-циклическим, как при раннем капитализме. Система автоматического регулирования приобретает внешнюю нагрузку и поэтому меняется характер её дина-

33 – Докапиталистические формации не оплачивали гораздо большую часть рабочего времени, чем капитализм. И, в отличие от капиталистов, предшествовавшие высшие классы направляли свой доход исключительно на своё потребление. Например, гобелены, приобретаемые европейскими феодалами, стоили неоплаченного труда сотен и тысяч крестьян. Дворцы русских царей стоили дороже, чем самые дорогие заводы Российской империи. Советские коммунисты с их маниакальной страстью к производственному инвестированию действовали в русле классического капитализма. Постсоветский товарный фетишизм плюс хроническое недоинвестирование ставят под сомнение факт «победы капитализма» в России.

34 – Циклическое поведение является свойством систем автоматического регулирования с обратной связью.

мики: возникает значительно более устойчивый, чем ранее, рост. При этом суть формации не меняется – она по-прежнему основана на капитале как на доминирующем факторе производства. Меняются лишь принципы финансирования инвестиций путём введения неэкономических мотиваций.

Исторически каждая формация выдвигала одну или несколько стран-лидеров, постепенно централизовавших доступную им ойкумену, выжимая максимум из доступного им фактора производства. Рабовладельческая трудовая цивилизация Европы и Ближнего и Среднего Востока зародилась в небольших царствах Междуречья, в Египте и на островах Средиземноморья, а закончилась крахом гигантской Римской империи.

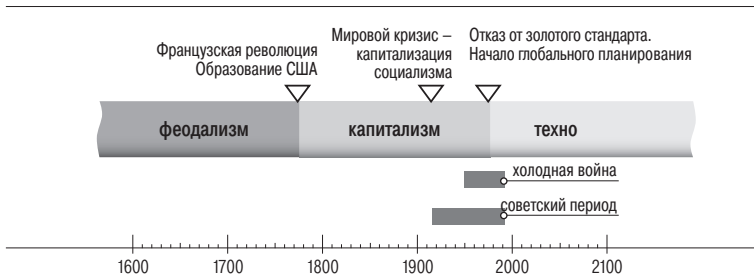
Мелкие варварские княжества постримской эпохи постепенно эволюционировали в созвездие гигантских колониальных феодальных империй.

Капитализм изначально зародился в небольшой Голландии, постепенно покорил Англию и в конечном счёте породил огромные сверхдержавные блоки.

Таким образом, каждая предыдущая формация развивалась в сторону централизации, сопровождавшейся постепенным распространением экономических плодов цивилизации на всё более многочисленные слои населения. Когда массы начинают не просить, а требовать «хлеба и зрелищ», это означает, что общественно-экономическая формация проходит пик своего развития и входит в период самоликвидации. В этом смысле «социализм» – это не отдельная формация, а признак достижения зрелости общественно-экономической формации капитализма, характеризующаяся максимумом централизации политической и экономической власти и максимумом распространения экономических благ среди населения. Подобные периоды процветания переживали не только «посткапиталистические» страны Запада и СССР, но и феодальные Испания и Франция, рабовладельческие Египет, Греция и Рим. Социалистическая фаза капитализма является прямым предшественником перехода к технократической цивилизации. Начав общенациональное планирование сначала с целью выхода из Великой депрессии, а затем для достижения победы в «холодной войне», Западный блок во главе с США довольно быстро перешёл к отказу от привязки денежной эмиссии к традиционному для предшествовавших формаций физическому но-

сителю стоимости – золотому стандарту – и начал планировать глобально (рис. 6).

РИС. 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПЕРЫ ФОРМАЦИОННЫХ СДВИГОВ

В отличие от предыдущих общественно-экономических формаций, технократическая цивилизация опирается на кажущийся неисчерпаемым ресурс³⁵, повышающий экономическую отдачу всех прочих факторов производства. Информация не исчезает в процессе использования, а накапливается. Это означает, что эпоха, в которую мы вступаем, будет иметь свои качественные отличия от предыдущих общественно-экономических формаций.

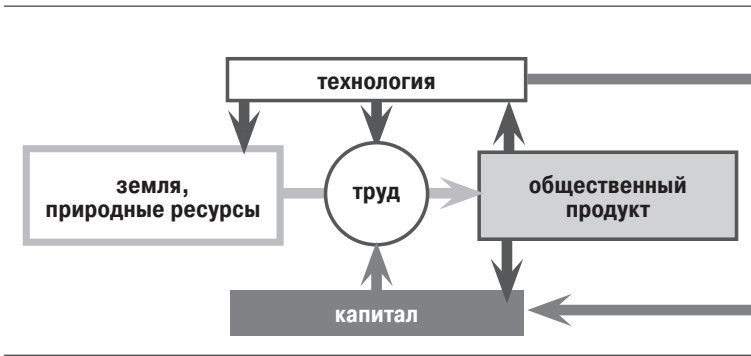
Технология приобретает всепроникающий характер, влияя на эффективность всех остальных факторов производства (рис. 7).

Снимаются ограничения на способность производить. Любая страна, вовлечённая в общемировой оборот, приобретает способность потреблять и производить на технологическом уровне глобальных лидеров благодаря доступу к информации и технологии. Важнейшим элементом собственности технократической формации становится защита интеллектуальных прав – копирайт. Защита информации приобретает параноидальный размах. Но благодаря распространению международных систем образования и глобальной миграции сохранить технологические секреты становится всё труднее и труднее. Наличие уникальной защищённой от копирования национальной технологии становится важным элементом международного торгового. Мир превращается в гигантский технологический картель с распределёнными сферами влияния и прибылью, гарантированной государством и картельными соглашениями между ключевыми игроками. Идеология свободного рынка превращает-

35 – Мы пока не знаем, где находятся пределы развития технологии, и есть ли они.

ся всего лишь в элемент мотивации отдельных элементов разветвлённой корпоративной структуры. Капиталист перестаёт извлекать средства для развития из собственной прибыли. Основным источником производственных инвестиций становятся обобществлённые и централизованные ресурсы – удешевляется и упрощается доступ к акционерному и банковскому капиталу. Веберовская капиталистическая мораль теряет смысл, уступая место бюрократической логике. Отдельные частные предприятия попадают в полную зависимость от оборота общественного капитала, и их собственная прибыль становится результатом государственной политики и общественных соглашений – возникает своеобразная *система хозрасчёта*, напоминающая теоретические построения советских экономистов.

РИС. 7. ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

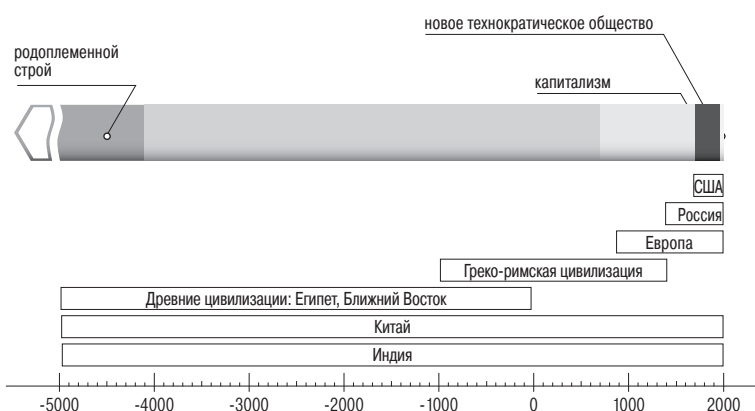

Используемые факторы производства можно разделить на две категории – естественные – земля и труд, и искусственные – капитал и технология. В этом случае становится ясна природа водораздела между традиционными обществами и развитыми обществами нового времени. В традиционных обществах экономика построена на доминировании естественных факторов производства, в посттрадиционных на первый план выходят факторы производства, созданные самим человеком искусственно.

Последние двести-триста лет мировая экономика и мировая цивилизация, опирающиеся на производимые всё в больших масштабах искусственные факторы производства, росли экспоненциально. Однако эти двести-триста лет капиталистической и тридцать-сорок лет технократической экономики – ничтожно короткий срок в истории человечества (рис. 8). Подавляющая часть истории человечества про-

шла в условиях традиционных экономических систем, основанных на использовании труда и земли в качестве доминирующих факторов производства. Нет ничего удивительного в том, что долгая историческая память большинства населения инерционно сопротивляется сравнительно недавним капиталистическим и технократическим нововведениям. Только в одном из нынешних центров экономического развития – в США – практически вся история, за исключением вкрапления рецидивов рабовладения в южных штатах, прошла при унаследованном от Британии капитализме. Поэтому идеология капитализма в Америке представляет собой вариант фольклора, необходимый элемент национального самоощущения, несмотря на то, что современная американская государственная власть с её глобальными программами и планами очень сильно отличается от народного самоуправления шерифов Дикого Запада.

РИС. 8. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

На нас, на нашем поколении заканчивается глобальный переходный процесс из одного стабильного состояния экономики в другое: от экономики родоплеменных общин, полностью включённых в окружающую среду, к глобальной общине, влияющей на окружающую среду и даже конфигурирующей её. Что это будет? Ноосфера Вернадского? Глобальная деревня МакЛухана? Тотальная «феллахизация» Шпенглера? Сохранится ли классовая структура в новом обществе? На наш взгляд, существуют по крайней мере две видимо осуществимые альтернативы

(помимо апокалиптического тотального уничтожения человечества в войне всех против всех за исчезающие ресурсы).

С одной стороны, технология, повышая производительность всех факторов производства, снимает ограничения на выпуск продукции, ранее накладываемые дефицитом труда, земли и/или капитала. Становится возможным добиться высокого уровня жизни практически в любой точке планеты. С другой стороны, централизация производства и распределения информации создаёт условия для получения сверхприбылей и новой концентрации экономической власти уже на базе контроля над технологией. Ключевую роль приобретает монополизированное ценообразование на продукцию, защищённую копирайтом, точнее, американским копирайтом и американскими патентами³⁶. По сути, новое классовое расслоение общества уже идёт полным ходом: общества и целые страны разделяются на *техноэлиту*, которая производит и распределяет информацию, и *техноплебс*, который получает своё материальное довольствие, но во всё меньшей степени участвует в реальном производственном процессе.

При каждом общественном строе выдвигается свой правящий класс. При переходе капитализма в свою социалистическую фазу правящим классом становится бюрократия³⁷. Однако власть бюрократии только венчает, но не отменяет власть работодателя, промышленного капиталиста и землевладельца.

При расцвете технологической формации над и около бюрократии появляются создатели доселе невиданной прибавочной стоимости – технократы. Государственная бюрократия приводит их к власти и сама попадает от них в зависимость. С точки зрения экономики нового строя Андрей Сахаров, Билл Гейтс, Джордж Сорос, Анна Курникова и Майкл Джексон – представители одного и того же класса технократов, создающих общественный продукт как бы из ничего, извлекающих из себя стоимость как Зевс Афины из своей головы.

Но элитизация с одной стороны сопровождается деградацией с другой. Россия в этом смысле не уникальна и воспроизводит на своей территории уже далеко зашедшие глобальные тенденции. В нашей стране

36 – Американская патентная система уже давно применяется экстерриториально и на сегодняшний день предоставляет наиболее жёсткую защиту от несанкционированного использования интеллектуальной собственности.

37 – Поход бюрократии к мировому господству начался очень давно – с кодекса Хаммурапи, древнеегипетских писцов и восточных свнухов, а может быть и раньше.

ситуация усугубляется тем, что российская экономическая элита менее производительна и глобально конкурентоспособна, чем российский же техноплебс. Последний, освоив, в силу экономической необходимости, техобслуживание продукции западных корпораций, сегодня по своему технологическому уровню стоит ближе к иностранным аналогам, чем российские «капиталисты». Источником же богатства правящего класса российского общества является отнюдь не производство новой продукции, а перепродажа технических достижений Запада собственному населению с наценкой. В этом смысле история совершила полный круг, и Россия вернулась к временам оживлённой торговли из «варяг в греки», только в роли «варяг» выступают и развитый Запад, и развивающийся Восток, а в роли пеньки, мёда и орехов – реки природного сырья, доставшиеся в наследство от советского госкапитализма. Отсюда и нежелание российского правящего класса, несмотря на внедрение скопированных с Запада формально-процессуальных норм, позиционировать себя в рамках демократической системы ценностей. Его легко объяснить стремлением навечно сохранить монополию не столько на развитие, сколько на высокий уровень жизни путём сохранения монополии верхушки на получение доходов от внешней торговли. В этом у российского правящего класса нет противоречия с позицией правящих классов стран Запада, которые тоже вполне удовлетворены своим положением на вершине мира и хотели бы навечно сохранить статус-кво. В традиционных обществах, сосуществующих с развитыми, возникает относительная переоценка капитала и технологии, которые находятся в дефиците. Возникает поток ресурсов в направлении развитого мира, который работает в отношении традиционных экономик как инфляционный насос. В то же время, ограничение доступа к капиталу и технологии в традиционных обществах создаёт монопольную прибыль правящим классам этих обществ, в результате барьеры для развития таких обществ не снижаются, а возрастают.

Однако представляется, что и та, и другая монополии будут постепенно разведаться распространением информации и расширением демократических институтов. Ельцинская революция начала 90-х годов, открыв границы для потоков людей и товаров, не только частично разрушила бывшую советскую промышленность, но и провела массовый сеанс обучения населения жизни в условиях развитого общества. Ведь передача общественной технологии осуществляется не только путём прямого видимого переноса, но и через движение товаров, услуг и ин-

формации. В этом смысле просмотр сериала «Санта-Барбара» и посещение иностранного курорта дают больше, чем любые теоретические курсы. Попытка лишить российское население однажды испробованного образа жизни будет воспринята им крайне негативно. Любое продолжительное снижение уровня жизни чревато политическими потрясениями, которых Кремль постарается избежать. Но найти ресурсы для развития на основе старых капиталистических рецептов окажется невозможным. Нужны новые пути, и одним шоу-румом³⁸ в Сколково не обойтись. Микро- и нанополитика не справятся с макропроблемами.

Поскольку Россия с её дефицитом монополизированного капитала всё еще находится в ушедшем мире Капитала, то благие попытки нанотехнологизации России ни к чему не приведут: рынки высокотехнологической продукции полностью контролируются Западом, и неассоциированный производитель не сможет эффективно реализовать производственный потенциал даже в случае его возникновения. В то же время развитие технократической цивилизации приведёт, на наш взгляд, к децентрализации планирования за счёт распространения информационных возможностей на локальном уровне. Окажется возможным локально достигать глобальной конкурентоспособности, опираясь на возможности глобальных производственно-экономических сетей. Для России это означает снятие ограничений, связанных с дефицитом капитала, за счёт более тесной привязки к планирующим организациям международных производственных и сбытовых сетей плюс политическую институционализацию российского экспорта.

Лишение социализма статуса формации

Утверждая, что комбинация используемых факторов производства играет основную роль в определении характера общественно-экономической формации, мы не можем принять популярную и на Востоке, и на Западе гипотезу о ключевой роли «плана» или «рынка» в характеристике формации. Ни план, ни рынок не определяют сущность общественно-экономической формации. Не случайно переход большинства развитых стран к централизованному планированию не привёл к смене

38 – Showroom – демонстрационный зал (англ.)

формации – в её основе по-прежнему (в том числе и в странах Восточного блока) был капитал. Таким образом, как уже отмечалось выше, **мы рассматриваем социализм не как отдельную формацию, а как стадию развития капитализма** – формации, основанной на доминировании капитала как фактора производства. При социализме централизованное планирование, усиление экономической функции государства ведёт к распределению общественного богатства среди всё более широких групп населения и к постановке перед экономикой неэкономических целей, таких, например, как гонка вооружений или фундаментальные научные исследования. Огромную роль в совершении этого *фазового перехода* сыграла и играет милитаризация. Это объясняет, почему в группу развитых стран входят только бывшие ближайшие союзники Америки или СССР по «холодной войне» и сами бывшие глобальные конкуренты – США и страны бывшего СССР.

По нашему мнению, соотношение плановых, то есть *проактивных*, и рыночных, или *реактивных*, начал в экономике говорит лишь о роли государственного или крупнохозяйственного целеполагания в конкретно-исторических условиях и имеет отношение только к оценке характера неопределенности в принятии решений. То есть план–рынок – это временная характеристика экономики, но не фундаментальная сущностная. Роль плана возрастает, когда корпоративная экономика и госсектор растут, и когда темпы и направления развития становятся более понятны. Когда же в экономике растёт неопределённость относительно будущего и теряются объективные основания для целеполагания, то, соответственно, затуманиваются и возможности планирования. Рынок хорош в мутной воде, в движении на ощупь. Как только направления развития проясняются, открываются перспективы для крупных планирующих организаций, будь то корпорации или государства.

В «догоняющей» экономике целесообразность планирования даже выше, чем в экономике страны-лидера, так как, наблюдая за пройденной траекторией лидера, можно избежать лишних проб и ошибок и «срезать» путь благодаря планированию. Именно благодаря централизованному планированию СССР при существенно меньших ресурсах технологически удавалось отставать от Запада всего лишь примерно на 10 лет.

Плановые и рыночные начала сосуществуют в мировой экономике со времени возникновения экономики вообще. Древнейшими известными памятниками письменности являются шумерские клинописные бухгалтерские книги – то есть учёт и контроль возникли не только до

капитализма, но и задолго до Древнего Рима. Государственное планирование существовало ещё в крито-микенской цивилизации, в Древнем Египте и цивилизациях Месопотамии, не говоря уже о таких памятниках государственного планирования как Лувр и Великая Китайская стена. «Вмешательство» государства в экономику – это вопрос текущей политики и государственного управления, а не только и не столько политэкономии.

Египетские фараоны и китайские императоры пользовались кейнсианской моделью стимулирования экономики за тысячи лет до рождения Дж.М. Кейнса. Все слышали об исчезнувших сокровищах фараонов, но маловероятно, что сокровища фараонов были действительно расхищены. Однако и в целостности и сохранности они могли остаться только случайно, как в потерянной еще в древности гробнице Тутанхамона. Дело не в расхитителях гробниц, а в экономике. Сокровища были так хорошо защищены от случайного грабежа, что использовать их могли *только те, кто их туда положил*. Об этом красноречиво, хотя и молча, свидетельствуют кости реальных грабителей древности, валяющиеся на дне действующих до сих пор каменных ловушек в погребальных сооружениях. Но где же сокровища? Окончание строительства очередной пирамиды, а соответственно прекращение платежей подрядчикам и строителям, неизбежно приводило к экономическому кризису в Египте, и следующий фараон был вынужден распаковывать «стабфонд», упакованный предыдущим фараоном в собственный гроб. Начинаясь стройка – и жизнь возвращалась на нильские берега. Строительство пирамид требовало крупномасштабного государственного планирования – отсюда многочисленность и влияние тогдашней бюрократии, писцов, предшественников современных юристов и бухгалтеров. Рынок расцветал и засыхал в такт разливу и засухе в государственных расходах.

Роль погребальных сокровищ в качестве государственного стабфонда подтверждает и Иосиф Флавий: «...когда тысячу триста лет спустя первосвященник Гиркан, подвергаясь осаде со стороны сына Дмитрия Антиоха, прозванного благочестивым, хотел откупиться от осады деньгами и нигде не мог найти требуемой суммы, то он открыл часть склепа Давида и вынул оттуда три тысячи талантов, которые и вручил Антиоху, чем освободился от осады... царь Ирод, в свою очередь, вскрыл гробницу Давида и также извлёк из нее массу денег»³⁹.

39 – Иосиф Флавий. Иудейские древности. М.: Крон-пресс, 1996. С. 312.

Аналогичную роль кейнсианского стимула экономики играли строительство дворцов французскими Людовиками, перепланировка Парижа Наполеоном III, строительство Петербурга. Всё это было задолго до советского Госплана, хотя представляло собой примеры именно государственного планирования.

Подчеркнем: государственные расходы и государственное планирование возникли одновременно с государствами и закончатся только вместе с ними.

Именно государства создавали и создают крупные потребности – будь то строительство пирамид или тоннель под Ла-Маншем – и предоставляют платёжные средства. Затем эти платёжные средства «стекают» вниз по государственной пирамиде, оживляя рыночный обмен продукцией мелких и более крупных производителей. В древности средством платежа являлись настоящие физически существующие объекты – в первую очередь, золото. Истощение запасов физической ликвидности приводило к обнищанию государственной казны и разорению населения вплоть до исчезновения государств.

РИС.9. КАМЕННЫЕ ПИРАМИДЫ ПРЕДШЕСТВОВАЛИ ФИНАНСОВЫМ

Подобным же образом Советский Союз, который не смог угнаться сразу за двумя зайцами – и за призраком стратегического паритета с Западом, и за обеспечением «всё возрастающих потребностей советс-

кого народа», – сначала истощил запасы международной ликвидности, вследствие чего потерял ликвидность валюты собственной и в конечном итоге отправился вслед за Османской, Британской, Французской и другими империями, не выдержавшими напора времени, – *money makes the world go round*⁴⁰. Отсутствие денег способно уничтожить не только рыночных агентов, но и империи.

Тем не менее мы не считаем, что до начала 1970-х годов между США, Западной Европой и СССР существовали формационные различия. Вплоть до середины 1970-х годов и в Западном, и в Восточном блоке производительность экономики определялась исключительно наличием капитала. Но к концу 1970-х годов США вводят западный мир в новое Царствие экономическое. Дефицит капитала отменяется вместе с золотым стандартом, и теперь миром правит Технология, определяющая отдачу и труда, и земли, и капитала. А СССР так и остался в мире Капитала и погиб вместе с ним.

Реабилитация государства

Возвратить государство – одну из важнейших, если не важнейшую после семьи форму организации общества – в центр политэкономического дискурса необходимо хотя бы просто отдавая дань реальности. Иерархические организации возникли одновременно с началом писаной истории человечества или даже ранее, и без их развития ни экономика, ни культура, ни тем более наука не смогли бы существовать. Иерархия целеполагания и иерархия контроля – фундаментальные системы экономики и общества. Без их изучения общественные науки вообще не имеют предмета.

Хотим мы того или не хотим, нравится ли это нам или нет, но человеческая история – это история государств. История индивидуумов, семей и предприятий встроена в историю государств и современных им обществ. Восприятие этой погружённости личности в социум по-разному воспринимается в России и на Западе. Специфически российская форма либерализма представляет собой не стремление к относительному обособлению индивидуума **внутри** государства, как на Западе, а от-

40 – Деньги заставляют мир крутиться (англ.) – из мюзикла «Кабаре».

рицание государства вообще. На Западе либерализм – это торг индивида и иерархически организованного общества. В России же индивид не считает нужным торговаться с обществом – он его в упор не видит. Либерализм в России тождественно равен анархизму. Под лозунгом правового государства подразумевают не государство, ограниченное правом, а отсутствие государства – «где существует право, там нет потребности в государстве»⁴¹. Но что такое право без государства? Право без источника и носителя. Право как вещь в себе. Жизнь «по понятиям». Договорственная архаика⁴².

Привычное российскому уху противопоставление власти и народа как неких разнородных сущностей не имеет логического смысла. В стране никого нет, кроме её народа, иностранных дипломатов и туристов. Власть – это часть народа, выделившаяся для осуществления неэкономических функций и организовавшая себя и остальной народ таким образом, чтобы бесперебойно получать реальные экономические ресурсы для своего существования. Поскольку общество в целом заинтересовано в выполнении этих общих функций, постольку общество заинтересовано и в существовании системы власти. Развитые общества со сложноструктурированными общественными функциями и потребностями невозможны без сложных систем власти. Демократия возникает как реализация страха власти перед остальным народом и возможностью его несанкционированной самоорганизации. В докапиталистический период возможности самоорганизации неграмотного невооружённого народа минимальны, поэтому демократия попросту не нужна. В милитаризированном капиталистическом обществе происходит взрывной рост способности масс к самоорганизации, и власть имущие прикладывают усилия к канализации политической энергии миллионов в приемлемые узаконенные политические структуры и процессы. Возникает потребность в демократии. Однопартийные системы коммунистического типа имеют те же цели, что и многопартийные западные демократии, но отличаются от них так же, как олигополия от монополии. Отсутствие конкуренции обеспечивает им быстрый рост, а затем деградацию и застой. Партии болеют болезнями монополий подобно промышленным системам.

41 – Реплика из зала // Русские чтения. Институт общественного проектирования. 04.10.2005.

42 – «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте!» – это не Валерия Новодворская, это Фридрих Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 124).

При внимательном рассмотрении самой концепции прогресса мы увидим в ней тупик российского анархического либерализма. Прогресс личности требует прогресса общества, и наоборот, прогресс общества – это прогресс личностей, составляющих это общество на основе уже достигнутого прогресса всего общества. Государство как совокупная система самоуправления общества [*даже абсолютный монарх есть часть и продукт общества, которым он командует*] является необходимой средой и оболочкой для развития и права, и образования, и многих других весьма сложных общественных и индивидуальных функций, обеспечивая саму возможность выживания и прогресса индивида. Для этого необходима общественная память, которой обладает только организованное и, добавим, стратифицированное общество. Необходим слой людей, главной и практически единственной общественной функцией которых является накопление и обработка информации. Это делает невозможным возвращение человечества к обещанному Ф. Энгельсом бесклассовому обществу, так как даже при максимальном доступе к информации необходимость в профессиональной, то есть базирующейся на накопленной и благоприобретённой культуре, её обработке уже не может исчезнуть. Возврат в бесклассовое общество означал бы крах цивилизации, фатальный обвал шеститысячелетней истории.

Отсюда становится понятно, что предпринятое в 1990-х годах опрошение государственных функций и государственной системы в постсоветских образованиях не могло привести ни к экономическому, ни к политическому прогрессу. Примитивизация общественной системы ведёт к примитивизации жизни индивида. Миллионы советских граждан были деклассированы, потеряли приобретённое ранее образование, потеряли способность производить, будучи вытесненными из сферы производства в сферу самого примитивного обмена. Путинская реставрация отдельных частей советской государственности вновь структурировала общественную жизнь и привела к частичному восстановлению экономики. С этим тезисом многие не согласятся, так как хаотичное выпрыгивание личностей и организованных банд из броуновского движения дезорганизованного общества представляется им идеалом свободы личного социального и экономического прогресса. Из грязи в князи – что может быть демократичней?! Но такое «выпрыгивание» удачливых индивидов сплошь и рядом сопровождалось ограблением на порядки большего числа менее «прыгучих» и разбазариванием ранее накоплен-

ного и централизованного общественного капитала. Результат – растущее экономическое и технологическое отставание России теперь уже не только от традиционных западных лидеров, но и от государств, ранее находившихся на аналогичных и даже более низких ступенях экономического развития. Ситуация 1990-х годов не была оптимальной по Парето⁴³. Это была игра с нулевой суммой – перераспределение общественного пирога фиксированного и даже убывающего размера. Дальнейшее развитие России, если оно состоится, может пойти только путём значительного усложнения общественных систем и институтов.

Советские реформаторы не смогли и не захотели удержать сложившиеся советские общественные системы от распада. Сверхвлиятельная Коммунистическая партия, к тому моменту уже контролируемая либералами, практически самоуничтожилась. Вместо неё возникли микроскопические политические структуры, не располагающие ресурсами, достаточными для влияния на государственную политику. Стенающей от роста авторитаризма публике необходимо понять, что авторитаризм усиливается именно тогда, когда возникает вакуум власти. «Избыток демократии» закономерно приводит к «недостатку демократии». В этом нет ничего нового. Ещё в VII–VI веках до нашей эры в греческих полисах чередовались циклы «разгула демократии» и тирании. Слабело государство – и аристократия тут же монополизировала общественные и экономические привилегии. На волне поддержки ущемленных средних слоёв и свободных крестьян тираны «восстанавливали справедливость», перераспределяя общественные богатства среди более широких групп населения. Классическая демократия утвердилась в Афинах только после длительного периода тиранического правления Писистратидов. Тираны возводили величественные сооружения, главным образом храмы, что, с одной стороны производило сильное эмоциональное впечатление на народ, а с другой стороны, создавало рабочие места и оживляло экономику.

Разрушение и восстановление общественных структур играют в экономическом развитии не меньшую роль, чем приток и отток сырьевых и финансовых ресурсов. Повышение качества жизни и расширение ин-

43 – Оптимум по Парето – это ситуация, когда улучшение положения одних игроков не приводит к ухудшению положения остальных. Суть послевоенного движения западной социал-демократии – в инстинктивном стремлении приблизиться к этому оптимуму, защитить неимущих от имущих.

дивидуальных возможностей возможны лишь при условии повышения качества общественных систем и их усложнении. Поэтому право может существовать и развиваться только при существовании и развитии государства.

Та же логика применима и к анализу свободного рынка. Возможно ли развитие общественной технологии и повышение производительности в рамках одного отдельно взятого предприятия? Безусловно, да. Некоторые древние ремесленники делали вещи, превосходящие продукцию современных концернов. Но может ли технология индивидуального мастера развиваться вне общества и вне государственной системы? Нет. Она умрёт вместе с мастером.

Исчез бы дар Леонардо да Винчи с исчезновением современного ему государства? Нет. Но исчезли бы его работы, поскольку на них не было бы заказа и ему нечем было бы создать свои шедевры. На Леонардо работали многочисленные безвестные мастера кистей, холстов, красок, его учителя, его предшественники, его заказчики, его модели, наконец.

Исчезновение или разрушение государств уничтожает и материальную культуру, и технологию, созданную населявшими их индивидуумами. Поэтому свободный рынок индивидуальных предпринимателей и торговцев может быть свободен постольку, поскольку он встроен в благоприятную для него государственно-общественную среду. Свободная торговля – основа свободного рынка [*laissez faire laissez passer*⁴⁴] – требует твёрдого денежного обращения, которое является ключевой функцией государства, и безопасности обмена. Свободный торговец требует от государства подтверждения сохранности меры стоимости. Иначе торг становится невозможен.

Зарытые и выкопанные сокровища

Как ни странно, но при всей широкой популярности денег среди самых различных общественных слоёв, сама идея денег в экономике остаётся для многих мистической. В СССР, да и современной России нет-нет, да и всплывали идеи замены денег «реальными ценностями» –

44 – Свободный торг, свободный проезд (фр.)

от граммов золота до килоджоулей. Однако без денег мир вращаться не будет: общественный обмен окажется задушен транзакционными издержками бартерного оборота, что, собственно, и стало непосредственной причиной гибели советской экономики. И это не имело отношения ни к «плану», ни к «рынку», ни даже к сущности формации. Отсутствие или замедление оборота убивает экономику или же не даёт ей развиваться при любой формации.

Вплоть до X века до нашей эры Европа была малонаселённой и бедной территорией. Затем здесь – сначала в Греции, затем в Риме – начнется удивительный по своей интенсивности процесс развития античной цивилизации, результаты которого до сих пор находятся в основе евроатлантической культуры, государственности и права.

Почему именно там и именно тогда?

Потому что именно в это время в Средиземноморье хлынуло египетское золото.

Самые древние из известных источников золота находятся в Египте. Золото добывалось здесь уже в V тысячелетии до нашей эры. Кварцевые золотосодержащие породы нагревали и резко охлаждали, высвобождая благородный металл.

Обращение египетской ликвидности длительное время происходило в географически и организационно замкнутой системе. Государственные золотые копи пополняли запасы государственной казны, которая расходовалась на мегапроекты фараонов, одновременно приводя в движение сложную машину египетской экономики. Завершение любого из них не могло не приводить к экономическому спаду. Разумно предположить, что практически каждый следующий фараон, как только заступал на трон, был обречён начинать свой собственный мегапроект: не столько для увековечения своего правления, как обычно считают историки, сколько для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в быстро засыхающую экономику. При этом у него всегда был под рукой «стабфонд» в виде ликвидного содержания предыдущих мегапроектов. Таким образом, очистка гробниц от ценностей должна была производиться организованно теми самыми людьми, которые их туда и поместили. В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что мумии почти всех фараонов сохранились до наших дней. То есть десакрация гробниц производилась с должным уважением к их усопшим владельцам, чего вряд ли можно было бы ожидать от простых грабителей.

Начиная с XXI династии очистка от сокровищ уцелевших до этого египетских гробниц приобретает особенно масштабный характер. И одновременно в мире происходят удивительные вещи. Израиль приобретает неслыханные богатства из неких *копей царя Соломона*⁴⁵. Многие исследователи пытались найти, где же находятся эти копи на геологически удивительно пустой земле Палестины⁴⁶. «Горькая правда заключается в том, что легендарные копи царя Соломона были ничем иным как царскими гробницами фараонов Нового Царства, покоившимися в Долине Царей»⁴⁷, – к такому выводу пришёл английский писатель-историк Ральф Эллис.

Как указывает Ральф Эллис, деятельность по вскрытию гробниц Долины Царей не могла не быть спонсированной государством: слишком большим предприятием это было. Только экспедиции, организованные государствами, могли установить местонахождение гробниц, вскрыть их и безопасно транспортировать караваны с драгоценным грузом, и только государственное участие могло обеспечить рынок сбыта такому количеству драгоценностей.

Куда же отправились эти караваны? Ответ известен из Ветхого Завета. В храм царя Соломона, где бы он в реальности ни находился⁴⁸. По расчетам Иосифа Флавия, Соломон получил из Египта около 30 тонн золота⁴⁹.

А уже оттуда бывшее египетское золото растеклось по торговым путям Средиземноморья. Этого вливания хватило на пятнадцать веков Античности.

Следующим объектом глобального финансового разграбления стали храмовые комплексы майя, ацтеков и инков в XV–XVII веках, чему мы обязаны расцветом культуры эпохи Возрождения. Чтобы сначала Фидий, а затем Микеланджело могли создать свои шедевры, их заказчики должны были обзавестись свободным ресурсом звонкой монеты из разграбленных кладов древних цивилизаций.

Создавать и накапливать запасы платёжной ликвидности могут только государства. Однако если государство или обстоятельства изы-

45 – Соломон правил в X веке до н.э. Фараоном Египта в это время был его родственник Псусеннес.

46 – Израильяне шутят, что Моисей сорок лет искал такую землю на Ближнем Востоке, где нет нефти. Но там нет и золота.

47 – Ralph. Solomon. Falcon of Sheba. Edfu Books, 2002. P. 225.

48 – По предположениям того же Ральфа Эллиса храм Соломона был не в Иерусалиме, а в дельте Нила.

49 – Иосиф Флавий. Иудейские древности. Книга 8, глава 7.

мают ликвидность из экономики, неизбежно наступают тощие времена. Кража, разбазаривание, приватизация такой оукленной иногда в буквальном смысле этого слова кубышки возвращает жизнь в экономику. Почему? Потому что любая экономика – это обмен результатами труда, творчества и природными благами, опосредованный платёжными средствами, признаваемыми всеми участниками обмена. Если не хватает платёжных средств, то обмен не может быть произведён. До какого-то времени в роли средства платежа выступали драгоценные металлы, затем – номинальные знаки, гарантированные драгоценными металлами, сейчас – номинальные знаки, гарантированные только авторитетом государства, их выпустившего. Отказ от физической меры стоимости в виде золота был необходимым шагом к созданию глобальной экономики, ориентированной на неограниченный рост.

Можно предугадать и следующий шаг. В перспективе универсальной ликвидностью может стать совокупность платёжных обязательств и негосударственных агентов – членов системы обмена. А это уже не что иное, как законтрактованное рабочее время⁵⁰. Наши долги на кредитных картах – прообраз абстрактных трудодней Карла Маркса.

50 – «Стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества» (Маркс К. Капитал).